

УДК 327 + 502.

О. А. Посталовская

канд. полит. наук, доц. каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

e-mail: postalovskaya@minsk.edu.by

**ЭКОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ:
АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ**

Проводится политологический анализ современных тенденций функционирования экологической сферы. На основе анализа тенденций современного развития экосферы в структуре политического знания выделяются такие компоненты, как «экополитология» и «экополитический процесс». Рассматриваются актуальные направления развития экополитических процессов, раскрываются основные инструменты реализации экологической политики в современных условиях. Обосновывается идея о том, что проблемы экологии в настоящее время приобретают ярко выраженную политическую окраску, а исследование политической практики показывает высокую степень включенности экологических движений и иных форм экоактивизма в пространство публичной политики. Формулируется вывод, что экологическая проблематика становится не только инструментом информационно-психологического воздействия, но и предметным полем политических дискуссий, имеющих в ряде случаев глобальное стратегическое значение.

Введение

В настоящее время особенностью системы взаимоотношений «человек – природа» стала не только актуализация экологических катаклизмов и проблем экологии в целом, но и активное вхождение экологической компоненты в пространство публичной политики. Экологическая проблематика становится содержанием актуальной повестки политических дискуссий, вследствие чего субъекты экологии выступают полноценными акторами политического процесса. Экологическая сфера является политическим трендом и информационно-психологическим инструментом воздействия в политических целях для достижения определенных результатов, имеющих политические последствия. В этих контекстах происходит теоретико-методологическое переориентирование политической теории в сторону концептуального оформления экополитологии как принципиально новой политологической дисциплины и направления исследовательского поиска.

Как отмечает Д. В. Ефременко, «начиная с 1960-х годов появились основания рассматривать экологическую проблематику в качестве области политической деятельности, а не только объекта административного регулирования и одной из сфер межгосударственных отношений» [1, с. 33]. «Именно в это время, – продолжает автор, – разрозненные аспекты антропогенного воздействия на окружающую среду, ранее лишь отчасти находившиеся в поле институциональной деятельности, стали рассматриваться во взаимосвязи и в контексте политических проблем глобального развития. Логическим результатом этой перемены явилось зарождение новой субдисциплины политической науки – экополитологии». Экополитология представляет собой научно-теоретическое направление политологического анализа экологической проблематики в контексте изучения деятельности общественных движений по охране окружающей среды, государственных структур, неправительственных организаций и иных субъектов экологических отношений. Е. И. Глушенкова определяет экополитологию как «комплексное направление политических исследований, изучающее структурно сложный характер экологической политики во взаимодействии с другими элементами политического процесса, разными политическими игроками, различными сферами политической жизни» [2, с. 10].

Предметная сфера экополитологии затрагивает процессы принятия политических и управленческих решений в вопросах природоохранной деятельности. Кроме того,

экополитология позволяет спрогнозировать политические последствия, формирующиеся ввиду столкновения интересов экологических субъектов.

Тенденции теоретико-методологического оформления экополитологии как специализированной дисциплины в политической науке актуализировали внимание к экополитическим процессам в целом. Экополитический процесс начинает рассматриваться как принципиально новый вид социодинамики, включающий в себя все элементы взаимодействия экологических структур, имеющих политические последствия. Как отмечает С. А. Нефедов, любой политический процесс начинается тогда, «когда интересы каких-либо индивидов и групп в обществе получают выражение – артикулируются» [3, с. 34]. Согласно трактовке исследователя, под экополитическим процессом следует понимать «совокупность последовательно сменяющих друг друга форм активности, необходимых для выработки и реализации политического курса в экологической сфере» [3, с. 34].

Постепенно углубляющееся понимание невосполнимости многих ресурсов планеты привело к осознанию необходимости создания систем государственного управления экологической сферой. Рост экологических противоречий привел к появлению массовых экологических движений, многие из которых трансформировались в экологические партии, известные как партии «зеленых». Массовое «зеленое» движение сыграло решающую роль в процессе перевода решения экологических проблем в практическую целенаправленную деятельность.

«Зеленые» партии стали появляться в разных странах начиная с 70-х гг. XX в.: в 1973 г. – в США, а до конца 1970-х г. партии и списки «зеленых» и экологов были созданы в ФРГ, Бельгии, Франции, Великобритании, Нидерландах, Италии, в последующие годы – в Швеции, Финляндии, Австрии, Швейцарии, других европейских странах, а затем в Австралии, Новой Зеландии, Канаде и т. д. С самого начала своей деятельности «зеленые» партии не только начали привлекать внимание институтов государства и общественности к проблемам экологии, но и сами встраивались в государственный механизм управления. Они смогли добиться существенных успехов на выборах и стали проводить своих кандидатов в парламенты. Это произошло в Италии (1976), Швейцарии (1979), Бельгии (1981), ФРГ и Португалии (1983), Люксембурге и Австралии (1984), Австрии, Испании и Нидерландах (1986), Финляндии и Норвегии (1987), Швеции (1988), Греции и Ирландии (1989), Новой Зеландии (1993), Дании (1994), Франции и Канаде (1997), Исландии (1999), Японии и других странах. В конце 1980-х – 1990-е гг. «зеленые» партии появились также в странах Восточной Европы.

Укреплению положения экологических партий в политических системах многих стран с середины 70-х – начала 80-х гг. XX в. способствовало недовольство населения традиционными партиями и их бездействием в сфере решения экологических проблем. Примером служит успех «зеленых» на выборах 1983 г. в бундестаг, когда она преодолела пятипроцентный барьер, впервые получила места в парламенте и сформировала там свою фракцию. Через четыре года «зеленые» на выборах получила уже 8,3 % голосов. В 1987 г. швейцарские «зеленые» стали членами кантонального правительства Берна.

На наш взгляд, именно начиная с середины 1970-х гг. процесс взаимодействия общества с окружающей средой начал приобретать такой характер, который привел к политизации экологической проблемы. Хотя некоторые ученые считают, что этот процесс начался несколько позже. Так, например, Д. В. Ефременко пишет, что период политизации экологии, связанный с обращением к этой проблематике представителей политических сил, прежде всего партии зеленых, пришелся на 1980-е гг. [4, с. 20].

Экологические движения и «зеленые» партии создали механизм включения различных социальных групп и слоев, общественных организаций в процессы принятия политических решений в сфере экологии. Активизация общественных движений в контексте артикуляции интересов в вопросах природоохранной деятельности к органам

государственной власти выступила источником возникновения «экологического протеста» как принципиально новой формы гражданской активности. Экологические протесты стали одной из форм проявления социальной напряженности, имеющих в ряде случаев политические последствия. Как отмечает С. А. Кислицын, «деятельность экологических движений все более приближается к классическому варианту функционирования политической оппозиции в условиях либеральной модели демократии, в задачи которой входит приобретение общественной популярности путем критики действующей власти. Используя “зеленые” лозунги в своих избирательных кампаниях, они повышают рейтинг экологических проблем» [5, с. 128]. Условный «зеленый» (экологический) сектор стал структурной частью предметной дискуссии в политическом поле практически всех государств. Дискурс экологической проблематики в указанных контекстах приобретает характер конкретного инструмента воздействия на правящую политическую элиту. По верному замечанию Д. А. Ежова, «особую актуальность поднимаемая проблематика приобретает в свете того, что на сегодняшний день экологические протесты используются для дестабилизации общественно-политической ситуации... и являются инструментом сил несистемной оппозиции» [6, с. 34].

Одним из наиболее иллюстративных примеров успешной реализации сценария экологического протеста как формы воздействия на правящую элиту с последующим изменением конфигурации как самой политической системы государства, так и общества в целом является «фосфоритная война» в Эстонской ССР 1987–1988 гг. «Фосфоритная война» представляет собой серию экологических протестов эстонской интеллигенции и общественности против решения Министерства по производству минеральных удобрений СССР начать разработку фосфоритов в Ракверерском районе (Ляэне-Вирумаа). А. К. Потапов свидетельствует: «Многим жителям Эстонии данная затея союзного ведомства в будущем могла грозить настоящей экологической катастрофой. На виду у всех жителей Эстонии был плачевный пример разработки минералов в пригороде Таллина, в Маарду, где отмечалась повышенная заболеваемость населения, в отработанных карьерах загрязняются грунтовые воды» [7, с. 479].

Решение союзного министерства вызвало протестные настроения в эстонском обществе. «Начался сбор подписей за прекращение разработок. Кампанию поддержали студенты Тартуского университета, которые 1 мая вышли на демонстрацию не только с антифосфоритными лозунгами, но и с антифосфоритной атрибутикой – плакаты, майки с подходящими изображениями и проч. Так были сделаны первые шаги в движение, которое позднее оформилось как “зеленое”. Молодые композитор Ало Маттийзен и поэт Юри Леэсмент написали песню “Ei ole ükski ükski maa” (“Ни одна страна не одинока”), в которой подчеркивалась общность всего населения Эстонии и солидарность с жителями Вирумаа, где должна была появиться шахта» [8, с. 65–66]. Протестная активность в отношении возможного производства фосфоритов и потенциальных экологических проблем выступила источником социально-политической консолидации эстонского общества и формирования негативных настроений по отношению к Москве. Негативные настроения естественным образом трансформировались в политические претензии относительно придания Эстонской ССР политико-правовой автономии. В республике начали формироваться экологические движения и Народный фронт Эстонии (НФЭ) как оппозиционная платформа по отношению к республиканской коммунистической партии.

Протестные настроения в отношении фосфоритного производства были также детерминированы этнополитическим фактором, который приобретал актуальность в связи с искусственным притоком новой рабочей силы на промышленные предприятия. А. Рюитель отмечает: «Для нашей нации это было бы смертным приговором, т. к. доля неэстонцев среди населения республики и так вскоре могла превысить 40 %, а в некоторых районах Эстонии она была еще большей... Ввоз новой рабочей силы со стороны

привел бы к тому, что коренное население на своей исторической родине через одно поколение оказалось бы в меньшинстве, так как прирост населения среди мигрантов был значительно выше прироста среди эстонцев» [9, с. 53].

Потенциальная экологическая катастрофа ввиду фосфоритного строительства и притока дополнительной рабочей силы «нетитульного» национального происхождения выступили фактором дестабилизации социально-политической обстановки в эстонском обществе, обусловили формирование протестных настроений по отношению к местной компартии и ЦК КПСС в целом. Учитывая рост социальной напряженности в Эстонии, правительство СССР решило отказаться от планов реализации «фосфоритного» проекта в регионе. Условная победа эстонского экологического движения имела далеко идущие политические последствия. А. Рюйтель убежден: «Успех заставил наш народ поверить в то, что действительно наступили новые времена, когда путем резкой постановки социальных и экономических проблем можно защищать свои национальные интересы» [9, с. 54]. Уже после победы в «фосфоритной» войне в Эстонии начались дезинтеграционные процессы, связанные с желанием республики выйти из состава СССР.

В настоящее время в указанных контекстах экологическая проблематика стала информационно-психологическим инструментом воздействия для достижения определенных результатов, имеющих политические последствия. Экология выступает условно негативным предметным полем общественной дискуссии, которое используют в своих дебатах политические оппоненты. Экологические протесты и разного рода «флешмобы» стали атрибутом современного визуального проявления форм гражданской активности. В частности, одной из самых известных в настоящее время акций является «Школьная забастовка за климат» (Skolstrejk för klimatet) во главе с Г. Тунберг. Шведская школьница показала пример мирового экологического протеста в борьбе за реализацию положений Парижского соглашения 2015 г. по изменению климата. Она создала движение «Fridays For Future» («Пятницы ради будущего» – FFF) и призвала всех учащихся мира вместо учебы по пятницам проводить забастовки, чтобы привлечь внимание политиков к изменению климата [10, с. 73].

Экологические протесты во главе с Г. Тунберг показательны своим агрессивным информационно-психологическим воздействием на общественное мнение посредством сакрализации образа юной школьницы, агрегировавшей интересы всего экологического движения. Шведская девушка в данном случае является искусственно сформированным социальным медиаобразом (слабый ребенок перед лицом угроз внешнего мира), который используется различными лоббистскими структурами, заинтересованными в незамедлительной реализации на практике Парижских соглашений. Во многом с подачи современных эоактивистов, по словам А. Б. Шатилова, «в современном мире весьма распространенной болезнью становится эофобия, порожденная страхом значительного числа людей относительно возможной глобальной экологической катастрофы» [10, с. 73]. Сформированная посредством распространения в сетевом пространстве эофобия выступает эмоционально-побудительным аргументом, который экологические активисты используют в качестве давления на правительственные и международные структуры. В данном случае, на наш взгляд, в наибольшей степени отражаются современные процессы технологизации эополитического процесса.

Заключение

На основании вышеизложенного необходимо сделать следующие выводы. Экология в настоящее время стала не только предметной сферой для последующего перехода публичного обсуждения экологических проблем в политическое пространство, но и формой реализации интересов конкретных лоббистских групп, использующих эофобные образы для воздействия на процессы формирования общественного мнения.

Экология в настоящее время – это не только состояние природной среды, но и предметное поле современного политического пространства, которое формирует экополитический процесс в качестве специального политологического направления. Указанные тенденции обусловили позиционирование экологической проблематики в качестве эффективного инструмента информационно-психологического воздействия в политических целях для достижения определенных результатов, имеющих стратегические последствия для субъектов политического пространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефременко, Д. В. Экополитология как отрасль политической науки: В поисках теоретических оснований и дисциплинарной релевантности / Д. В. Ефременко // Полит. наука. – 2010. – № 2. – С. 33–74.
2. Глушенкова, Е. И. Экополитология как направление научных исследований: возникновение и эволюция / Е. И. Глушенкова // Полит. наука. – 2010. – № 2. – С. 8–32.
3. Нефедов, С. А. Артикуляция интересов в экополитическом процессе / С. А. Нефедов // Власть. – 2009. – № 11. – С. 34–36.
4. Ефременко, Д. В. Возникновение и эволюция предметной области экополитологии в контексте политических проблем глобального развития : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Д. В. Ефременко. – М., 2007. – 47 с.
5. Кислицын, С. А. Политические тренды экологической субэлиты / С. А. Кислицын, С. А. Евтушенко, А. С. Токарев // Коммунология. – 2016. – Т. 4, № 6. – С. 127–139.
6. Ежов, Д. А. Экологический протест в политико-технологическом измерении: систематизация методов / Д. А. Ежов // Власть. – 2019. – № 5. – С. 34–37.
7. Потапов, А. К. «Фосфоритная проблема» в Эстонии как форма политизации масс в годы перестройки / А. К. Потапов // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Омск : СибАДИ. – 2015. – С. 476–479.
8. Симонян, Р. Х. Эстония. Обретение второй независимости / Р. Х. Симонян. – М. : Аспект Пресс, 2016. – 320 с.
9. Рюйтель, А. Эстония: возрождение будущего / А. Рюйтель. – Таллинн : Ило, 2003. – 226 с.
10. Шатилов, А. Б. Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций / А. Б. Шатилов // Вестн. финанс. ун-та. Гуманитар. науки. – 2019. – № 4. – С. 70–77.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.02.2020

Postalovskaya O. A. Eco-Political Process and Ecology Problems: Aspects of Interrelation

The presented article is devoted to a political analysis of current trends in the functioning of the environmental sphere. Based on the analysis of trends in the modern development of the ecosphere, such components as «ecopolitology» and «ecopolitical process» are distinguished in the structure of political knowledge. The paper analyzes the current trends in the development of environmental policies, reveals the main tools for the implementation of environmental policy in modern conditions. It substantiates the idea that environmental problems are currently acquiring a pronounced political connotation, and a study of political practice shows a high degree of involvement of environmental movements and other forms of eco-activism in the public policy space. Based on the foregoing, it is concluded that environmental issues are becoming not only an instrument of informational and psychological impact, but also a subject field for political discussions, which in some cases have global strategic importance.